

М.О. Меньшиков

Критические очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М.О. Меньшиков
M11 Критические очерки / М.О. Меньшиков – М.: Книга по Требованию, 2015. –
410 с.

ISBN 978-5-458-11850-7

Критические очерки.Статьи, вошедшие в этот сборник, печатались в разные годы в критическом отделе журнала "Неделя". Очерки касаются лишь некоторых произведений Л. Н. Толстого, Я. П. Полонского, А. П. Чехова, С. Я. Надсона, Грибоедова, А. Толстого, Н. С. Лескова и П. Е. Накрохина.

ISBN 978-5-458-11850-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавление.

	Стр.:
Рабочая совеска.	1-50.-
Две правды.	51-118.-
Либеральная хорь.	119-157.-
Большая воля.	158-188.-
Нравственное возрождение. .	189-244.-
Старые и молодые фаланги. .	245-261.-
Секордентный гений.	262-293.-
Поэз. богослов.	294-329.-
Художественная проповедь. .	330-352.-
Сонник с дороги.	353-387.-
Великое деянье.	388-399.-
Добрый юнкер.	400-404.-

Работа совѣсти.

(По поводу статьи „Недѣліе“ гр. Л. Н. Толстого).

La magnanimité méprise tout pour avoir tout.

La Rochefoucauld.

I.

Въ литературѣ рѣдко выпадаютъ солнечные дни, когда надъ читающимъ міромъ взойдетъ какое-либо великое произведеніе — романъ, поэма, драма, въ теплѣ и свѣтѣ которыхъ нѣжится цѣлое поколѣніе. Таковы были полные цвѣтущей жизни романы Тургенева, Гончарова, Льва Толстого, поэмы Пушкинской школы, вѣявшія поэзіей и радостью существованья. Обыкновенно-же въ литературѣ держится сѣренѣкій, истинно петербургскій климатъ: не переводятся сырые и пасмурные романы, унылія, съ воемъ вѣтра и дождемъ чувствительныхъ слезъ стихотворенія, холодные, темные разсказы... Тоску наводить такая поэзія; если и блеснетъ изъ-за тучи свинцовыхъ листовъ лучъ таланта, вдохновенія, если и покажется кусочекъ настоящаго, лазурного неба, то развѣ на полчаса, и затѣмъ снова тянется сѣренѣкая, назойливая непогода. Но бываютъ иногда и бури въ литературномъ мірѣ — благодатныя грозы для ранней и гибкой мысли и сокрушительныя для старого лѣса суевѣрій. Шумѣть, колеблясь всѣми вѣтвями, молодые умы, чтобы затѣмъ, освѣженные энергическимъ движениемъ, выпря-

миться еще стройнѣе; шумятъ, покачиваясь и скрипя старыя настроенія, чтобы если не рухнуть, то дать новыя трещины въ одряхлѣвшемъ тѣлѣ. Такою бурею прносились нѣкоторые романы Достоевскаго, сатиры Н. Красова и Щедрина, комедіи Островскаго, статьи знаменитыхъ критиковъ и публицистовъ. Такимъ-же грозовымъ характеромъ отличаются и произведенія Л. Толстого посл «Анны Карениной». Всѣ они—и тѣ, которые доходятъ д русскихъ читателей, и тѣ, которые проносятся далеко по горизонту, появляясь лишь въ иностранной печати—всѣ они насыщены не солнечнымъ свѣтомъ, а напряженнымъ электричествомъ, громами и молніями мысли, какъ-то загадочно родяшимися изъ тѣхъ нечистыхъ испареній, которые поднимаются къ душѣ писателя съ поверхности жизни. Статьи Толстого производятъ рѣзкое впечатлѣніе, о нихъ много и долго пишутъ, много говорятъ и даже спорятъ безъ конца. Стоить вспомнить появление «Крейцеровой Сонаты» или «Плодовъ просвѣщенія». Менѣе рѣзкій, но все-же сильный шумъ вызвала и статья Толстого «Недѣланіе».

Несомнѣнно, хоть немногимъ читателямъ эта статья понравилась, но огромное, подавляющее большинство—противъ нея. Автора не только оспариваютъ, но и бранятъ—точно такъ-же какъ и послѣ «Крейцеровой Сонаты», «Исповѣди» и т. п. Бранять иные сдержанно, иные—неистово и неприлично. Вообще никакъ нельзя сказать, чтобы Толстой въ своей роли «пророка» встрѣтилъ теплія обнятія въ литературной семье или среди читателей. Сторонники у него есть, но есть и противники, да еще и какие! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ когда этотъ писатель высказалъ мысль, что настоящіе призваніе женщины—рожать дѣтей и кормить ихъ, одна либеральная и образованная дама сейчасъ-же заявила въ печати, что на эту мысль слѣдуетъ отвѣтить пощечиной Льву Толстому... И подобныхъ «дамъ обоего пола» находится не мало среди читателей, хотя не всѣ, конечно,

сообщаютъ свѣту свои проекты. Въ современной литературѣ, кажется, кромѣ Страхова и Лѣскова нѣтъ видныхъ защитниковъ Толстого; развѣ еще одинъ г. Буренинъ иногда замолвить словечко за великаго писателя въ своихъ очеркахъ. Одинъ еще недавно пылкій по-клонникъ Толстого, г. О.¹—и тотъ выступилъ противъ него въ походѣ; онъ называетъ мысли Толстого «удивительными наивностями», «каламбурами», «игрою словъ», «плодами недоразумѣнія, недостаточнаго знанія» и т. п., а самого престарѣлого автора «Войны и мира» называетъ... «гениальныемъ ребенкомъ», и кажется, безъ надежды, чтобы этотъ «ребенокъ» (ему уже седьмой десятокъ идетъ) когда-либо созрѣлъ. Но г. О. все-же не отказываетъ ребенку, о которомъ рѣчь, хотя въ гениальности. Значительное большинство журналистовъ и публицистовъ встрѣтили «Недѣланіе» еще жесточе и именно вродѣ названной «дамы обоего пола». Не успѣла статья появиться въ свѣтѣ, какъ въ нее просто съ сладострастiemъ, какимъ-то вѣпились газетные рецензенты — и ну кувыркаться съ нею по подваламъ печати. Слово, написанное великимъ старцемъ, уже глядящимъ въ вѣчность, выношеное въ его сердцѣ какъ плодъ долгаго жизненнаго опыта, оказалось, видите-ли, необыкновенно подходящимъ для остротъ и каламбуровъ,—дотого, что даже извѣстная умная голова русской критики, г. С.² не воздержался отъ искушенія лягнуть старого льва русской литературы, благо это совершенно безнаказанно. Авторъ «Войны и Мира», какъ извѣстно, ни на какие журнальные вызовы не отвѣчаетъ, идя невозмутимо своею дорогой, и не какъ левъ, а скорѣе, какъ слонъ басни. Но это-то можетъ быть, «и духу придаеть» разнымъ критикамъ; они осмѣиваются и язвятъ своего великаго собрата очень звонко. Напримѣръ, въ «Недѣланіи» онъ неосторожнно сослался на ученіе Лаодзы, китайскаго философа, на его принципъ Тао (что значитъ добродѣтель, истина). Это словечко «Тао» оказалось просто находкой для уличной

прессы. Тао! Ха-ха! Что такое Тао?! Да это вотъ что: это «таё, таё»... помните у толстовскаго Акима изъ «Власти тьмы»... Такъ скоро и просто рѣшень быль смыслъ «Недѣланія». Но и нетолько уличные листки: одна большая и либеральная петербургская газета, поиздѣвавшись надъ авторомъ статьи, выпустила въ своемъ рекламномъ журнальчикѣ даже карикатуру на «Недѣланіе», гдѣ человѣчество представлено одичавшимъ и отпустившимъ обезьянъ хвосты подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Толстого. Легіонъ провинціальныхъ фельетонистовъ—просто со смѣху померли, разбирая эту статью. Но можетъ быть, это только въ печати, почему-либо недолюбливающей Льва Толстого, обнаруживается такая вражда къ нему? Нѣть, совершенно такое-же, по серьезности и приличию, отношенію къ великому писателю замѣчается и въ обществѣ: общественное мнѣніе—резонансъ печати. Мнѣ приходилось слышать въ весьма интеллигентныхъ семействахъ, отъ лицъ съ учеными степенями, буквальноплощадную брань на Толстого—не говоря уже о пренебрежительныхъ кличкахъ вродѣ «профанъ», «недоучка», «невѣжда». Толстой, какъ извѣстно, упустилъ единственныій случай сразу на всю жизнь, въ одинъ мигъ сдѣлаться ученымъ—дождаться въ университетѣ билета на образованность. Онъ вышелъ съ третьяго курса, и конечно, съ тѣхъ поръ, впродолженіе 40 лѣтъ, не прочолъ ни строчки, ничего не наблюдалъ и ни о чёмъ не мыслилъ. Развязное мнѣніе Макса Нордау, будто Толстой—«вырождающійся» вмѣстѣ съ Зола, Вагнеромъ, Ибсеномъ и т. п., противники нашего писателя подхватили какъ манну небесную; вотъ оно, желанное слово: Толстой—психопатъ, сумасшедшій, котораго слѣдуетъ посадить въ сумасшедшій домъ. Смутно чувствуя, однако, что въ столь рѣшительномъ приговорѣ не все благополучно, ругатели не настаиваютъ непремѣнно на горячечной рубахѣ, а пробуютъ убѣдить всѣхъ только въ глупости Толстого. «О, да, конечно, говорятъ они:—Толстой великий художникъ, но зато пло-

хой мыслитель». Эта фраза повторяется неизменно всѣми противниками великаго писателя, которые, «конечно, не великие художники, но»... Доказывать выводъ, шадя ихъ скромность, я не буду.

II.

Таково господствующее отношение въ обществѣ къ Льву Толстому и именно къ тѣмъ его трудамъ, которые цензура допустила безпрепятственно, не находя въ нихъ ничего безнравственного или противозаконного. Само читающее общество оказывается несравненно придирчивѣе цензуры; оно обнаруживаетъ удивительную нетерпимость къ оригинальной мысли; оно не прочь было бы «зажать ротъ» даже такимъ людямъ, какъ Толстой: именно этотъ смыслъ имѣютъ вопли, что онъ «сумасшедшій», что онъ «Веліалъ, князь тьмы», и т. п. Редакціи завалены рукописями въ обличеніе Толстого; на одной изъ подобныхъ рукописей мнѣ встрѣтился такой эпиграфъ: «Надо всѣми мѣрами стараться спасти общество отъ взбѣшившагося человѣка, хотя бы это былъ самъ Гомеръ». Слышиште: доказывается необходимость *спасти* общество отъ *взбѣшившагося* ясонополянскаго Гомера. Однако, въ чемъ-же проявляется «бѣшенство» этого писателя? Быть можетъ, онъ проповѣдуетъ восстаніе, убийства, динамитные взрывы и т. п.? Нѣтъ, онъ ихъ сурово осуждаетъ: онъ учить не бороться дурными средствами даже со зломъ. Или онъ учить воровству, разврату и т. п.? Нѣтъ, онъ учить оказывать всѣмъ дѣятельную помощь и придерживаться, по возможности, безусловнаго цѣломудрія. Но можетъ быть, все это теорія, за которую, какъ за ширмою, скрывается самая ужасная практика? «Практика» Толстого извѣстна: живеть онъ десятки лѣтъ въ деревнѣ, долгое время училъ деревенскихъ ребятъ и писалъ превосходные романы, а недавно устраивалъ столовыя для голодныхъ. Въ тяжелые, черные дни, когда обнаружился небывалый голодъ, когда общество растерялось и не знало съ чего

начать,—не кто иной какъ именно «взбѣсившійся Гомеръ» указалъ, что нужно дѣлать, и первый, несмотря на старческую немощь, отправился кормить народъ. Именно по *его* мысли сразу раскинулась на тысячу верстъ сѣть столо-выхъ, частныхъ, правительственныхъ, удѣльныхъ и зем-скихъ, которыми удалось спасти миллионы жизней. За одну эту мысль, за это изобрѣтеніе, оказавшееся столь пригоднымъ въ минуту большой опасности, Толстой за-служилъ благодарную память; не менѣе удивителенъ и личный примѣръ самоотверженаго, полнаго нравствен-ныхъ муки и опасности труда (опасности въ смыслѣ за-разы: вмѣстѣ съ голодомъ ходили тифъ и цынга). У насть какъ-то мало замѣтили эту страничку жизни Тол-стого, но въ набожной Англіи, напримѣръ, она оцѣнена высоко. И вотъ, когда такой человѣкъ захочетъ сказать что-нибудь обществу, оно не терпитъ этого. На Западѣ—если включить Америку и колоніи—живутъ че-тыреста миллионовъ жителей, изъ которыхъ каждый мо-жетъ публично разсуждать о чемъ, угодно, и опас-ности особой отъ этого незамѣтно. Тамъ считается, что человѣкъ, какъ-бы невѣжественъ и глупъ онъ ни былъ, не можетъ быть лишенъ права обратиться къ обще-ству, къ своимъ братьямъ—людямъ, со своею мыслью, и общество терпѣливо выслушиваетъ ее: вздорною мыслью пренебрегаетъ, хорошею пользуется. У нась-же общество возмушаетъ свобода мысли даже великихъ его писателей, даже тѣхъ, кто и по преклонному воз-расту своему, и по положенію, и по жизненному опыту, и по геніальному таланту имѣеть нѣкоторое особое, за-служенное право на вниманіе къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, господа,—еслибы Левъ Толстой былъ даже *только* вели-кій художникъ,—а этого *никто* не отрицаetъ,—то вѣдь и это что-нибудь да значитъ. Великие люди такъ рѣдки! Кто-то вычислилъ, что они рождаются въ количествѣ всего *одной десятитысячной* доли процента, и это на За-падѣ, среди самыхъ даровитыхъ и образованныхъ растъ на

свѣтѣ. У насъ, если вспомнить 120-милліонное населеніе (этой цифрой мы почему-то ужасно гордимся), — великихъ людей еще меньше. У насъ ихъ поразительно мало. Даже не только великихъ, а и просто выдающихся такъ не-много, что стонъ стоитъ о безлюдыи, о невозможности для сколько-нибудь серьезной работы найти живого, даровитаго человѣка. Изъ вѣка въ вѣкъ у насъ нѣтъ «ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Не говоря о бесконечныхъ материальныx потеряхъ — вѣдь все материальное рождается сначала въ мысли—общество лишено безцѣннаго идеального блага, бодрящаго и облагораживающаго вліянія великихъ душъ. Россія обездолена въ отношеніи замѣчательныхъ людей, но если они и появляются, то часто умираютъ въ молодости, «оклеветанные молвой» — какъ Пушкинъ и Лермонтовъ — или задушенные бѣдностью, болѣзнью, непосильнымъ чернымъ трудомъ. Нѣжный стебелекъ иной, высокой породы, попавъ въ суровыя наши условія, вянеть и гибнетъ. Развѣ не жаль, въ самомъ дѣлѣ, великихъ названныхъ поэтовъ, и развѣ мы не дали бы много, чтобы возвратить ихъ? Однако, еслибы они явились снова, мы, пожалуй, снова сочли бы ихъ «бѣшенными», «опасными» и подвели бы какую-нибудь интригу, чтобы погубить ихъ. Если нѣкоторымъ великимъ писателямъ 40-хъ годовъ удалось избѣжать этой участіи, то нужно вспомнить, что средина этого вѣка была благопріятнѣе для замѣчательныхъ людей, нежели теперь. Цензура была, можетъ быть, и строже, но въ самомъ обществѣ подъ конецъ крѣпостной эпохи господствовало замѣтное уваженіе къ величию, замѣтная потребность мысли и потому терпимость къ ней. Какъ-бы ни была нова и непріятна мысль, она встрѣчала болѣе сознательное и просвѣщенное къ себѣ отношеніе. Впрочемъ, и тогда великіе писатели или жили заграницей, какъ Тургеневъ, или вынуждены бывали уединяться отъ свѣта, какъ Гончаровъ, или изнывать въ непосильномъ труда, какъ Достоевскій. Подъ конецъ XIX вѣка

психическая условия общества измѣнились къ худшему. Единственный оставшійся изъ семьи великихъ, и какъ многіе утверждаютъ—даже величайшій писатель земли русской, слава котораго соединена съ именемъ Россіи во всемъ свѣтѣ, онъ не въ чести у насъ. Онъ посланъ къ намъ свыше и ненадолго, и уже отходитъ, близится къ закату. Мы, живущіе какъ бы не замѣчая этого «въ вѣкъ Толстого» (какъ будетъ говорить потомство), могли-бы ощущать присутствіе этого рѣдкаго духа, способнаго вдохнуть и въ насъ часть своей жизни. Пусть намъ не нравятся многія его мысли, — отвѣргнемъ ихъ,— но будемъ-же цѣнить хоть то, что безспорно цѣнно. Зная, что великій человѣкъ не вѣченъ, что онъ необыченъ, что онъ единственный въ своемъ родѣ и никогда не повторится, общество, мнѣ кажется, должно было-бы окружить его благоговѣйнымъ вниманіемъ, стараясь вникнуть въ великую душу и вселить ее въ себя. Будь это Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и т. п.— великий человѣкъ всегда есть святыня народная, и современное ему общество отвѣтственно за него предъ исторіей: скорбь, ему нанесенная, лжетъ чернымъ пятномъ на нашу память. Но, воскликнетъ иная пылкая дама,— если великій человѣкъ начнетъ говорить глупости и мерзости? Неужели и намъ соглашаться? Вздоръ! Долой авторитеты!.. и прочее. На это я отвѣчу, что соглашаться и ненужно. Не подчиняйтесь ничьему слову, если вашъ разумъ и совѣсть запрещаютъ это,—но ради всего великаго и святого — убѣдитесь достовѣрно, точно-ли разумъ и точно-ли совѣсть возстаютъ въ этомъ случаѣ. Вѣдь, можетъ быть, возстаетъ не разумъ, а неразуміе,—не совѣсть, а безсовѣстность. Можетъ быть, навстрѣчу свѣту изъ души вашей поднимаются не свѣтлые, а мрачные демоны. Торопливое сопротивленіе какой-либо ненравящейся мысли чаще всего — только желаніе заглушить свою совѣсть и заставить скрыться явившійся призракъ правды. Глубинами сердца смутно чувствуя, что это именно правда и